

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/zaycev/aihenv_zaycev.html.

На горизонте русской литературы тихо горит чистая звезда Бориса Зайцева. У нее есть свой особый, с другими не сливающийся свет, и от нее идет много благородных утешений. Зайцев нежен и хрупок, но в то же время не сходит с реалистической почвы, ни о чем не стесняется говорить, все называет по имени; он часто прикидается к земле, к изменности, - однако сам остается не запятнан, как солнечный луч. Он душой своей возносится над "миром тесноты и тьмы", поднимается к Филону-философу, к предвечному божеству гностиков, но не гнушается и тем, что внизу. Это удивительное сочетание натурализма и поэтичности, эта наивная небрежливость уверенного в себе хрустального писателя вызывает и в душе читающего то очищение, то аристотелевское "катарсис", от которого бесконечно далеки многие произведения современного слова. Чистый, насквозь пронизанный солнцем, верный сын его, Зайцев и сам пронизывает жизнь светом тихим, светом славы; он чувствует святость природы и человека, и это именно составляет его охрану, его палладиум в жизненных скитаниях, сквозь гущу грубой обыденности.

Он очень знает скорбь и горе; в "Спокойствии", например, неотразимо сильное и растрогивающее впечатление производит образ мальчика Жени, умирающего, не спасенного отцом-доктором. Был прекрасен этот Женя и благороден, "говорил литературно и с весом". Отец его, воплощенное и замкнутое в себе страдание, вдовец, так, внешне холодно, рассказывал о последних часах Евгения, своего единственного ребенка, единственного смысла своей угрюмой жизни: "Сегодня Евгений говорил мне: "Папа, я боюсь, как бы мне не умереть"... А потом Евгений обнял меня и говорит: "Папа, теперь я смерть вижу. Она вот там... Папочка, - говорит, - у меня холодают ножки. Погрей мне ножки, не давай меня смерти. Очень, - говорит, - прошу тебя: не давай!" Так. Вот он мне и сказал это". Женя умер, но отец его остался жив и, обыкновенно серый и сдержанный, теперь просветлел, и слезы пошли по его лицу. Это и характерно для Зайцева: он чувствует страшное, и страшны его спокойные слова: "диагноз оказался простой - чахотка"; но мир посылает ему свои целительные волны, дает великое "спокойствие", не отдает его, как Женю, смерти, нравственной смерти и холоду. И один из самых страдающих героев, побеждая свое страдание, поднимаясь над болью своею, говорит: "Цветут ли человеческие души, - ты даешь им аромат; гибнут ли - ты влагаешь восторг. Вечный дух любви - ты победитель". Именно победительность духа любви слышится на страницах Зайцева, и когда стоишь вместе с ним, в его излюбленной Италии, на берегу Адриатики, то хочется провозгласить какую-то мировую здравицу, хочется "зачерпнуть адриатической воды и плеснуть ею к месяцу: в честь любви, друга, погибшего за нее на этих берегах, женщины, ушедшей с ним; в честь иного далекого сердца, иной страны". Смерть и гибель, наши катастрофы и кровь - это не касается нас, это не доходит до самой глубины, до самой середины нашего существа; это не мы умираем, это не мы страдаем, это не нас убивают: все это разбивается о то благостное и великое "спокойствие", о ту сокровенную безмятежность, о то возвышенное, во что облекает нашу душу непобедимый дух любви. И погибая, мы не испытываем ужаса гибели, и на устах наших - молитва миру; и уходя из жизни, мы, изгнанники потерянного рая, благословляем его, славословим эту жизнь, слагаем ей проникновенные хоралы и говорим ей, что она благодатна и прекрасна, - несмотря на смерть Жени с холодеющими ножками, несмотря на измену любимой женщины и всюду проливаемую кровь. Пусть изменила эта Лина, красавица пышная. - но в душе у того кто ее любит, кого она разлюбила, воцаряется только "кроткая усталость" и покорное "Да будет благословенна любовь - за то, что она дала, за то, что она отняла, за свое прошлое и за свое настоящее; да будут благословенны все эти женщины! В чем их упрекать, за что ненавидеть? Их только можно любить "медленной, глубокой" любовью, с их белыми руками, с их жемчугом журчащим. Лину "зовет жизнь, она будет взята, она пройдет свой путь страсти, любви, наслаждения". Будет сидеть у ее ложа и страдать тот, кому она изменила, - но в этом есть свое счастье, свое "спокойствие".

Метерлинк учит нас, что мы ни в чем не виноваты, что к нашим преступлениям непричастно самое ядро нашей души: мы прирожденно чисты, мы - святые; все дурное, что мы делаем, это лишь дурной сон, тяжелый кошмар, и сестра Беатриса совсем не грешила там, в миру, вне стен монастыря, - это ей лишь казалось; на самом же деле, когда она ушла, в монастыре заняла ее место, приняла ее облик